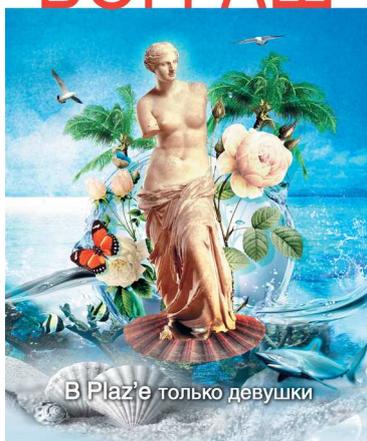

Мила
БОГРАШ

Мила Бограш

В Плаз'е только девушки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6651328

Бограш, Мила В Плаз'е только девушки : роман : Астрель; Москва; 2013

ISBN 978-5-271-43855-4

Аннотация

Аркан Таро «Разрушенная башня» означает внезапный крах. Но почему эта карта выпала неудачнице Вере именно тогда, когда ее жизнь стала налаживаться?! Судьба привела ее в агентство Plaza, которому требуются именно такие, как она, – невзрачные скромницы. У нее наконец-то появилась престижная работа, зарубежные командировки, новые друзья. Неужели все это рухнет в одночасье? Нет, она будет делать все возможное и невозможное, чтобы этого не случилось.

Но попытки робкой Веры противостоять роковым силам закончились трагически – ее нашли мертвой на курорте Гоа. Кому помешала жизнь этой неприметной девушки? Но все, кто пытался разгадать тайну ее смерти, тоже неожиданно погибали. Эта цепная реакция странных смертей – не разгадка ли страшной тайны?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	34
За три месяца до...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мила Бограш

В Plaz'e только девушки

*«По улицам шляется смерть. Проклинает
Безрадостный город и жизнь без надежд,
С презрением, зевая, на землю толкает
Несчастных случайных невежд...»*

Саша Черный «Опять»

«Убивать тебя будут такие же люди...»

Валерий Белов

Пролог

Корова на пляже задумчиво жевала ананас. Со своего лежака я лениво наблюдала, как ловко она перевернула чью-то одинокую сумку. Плод выкатился на песок, телка слямзила его и теперь уплетала, как наш заяц-русак кочерыжку. Повеяло душистой сладостью. Легкий морской бриз с ананасовым привкусом заставил меня блаженно зажмуриться.

Ин-ди-я-я-я...

Нет, я, конечно, могла бы отогнать наглую буренку, спасти чужое добро. Но я не сторож ближнему своему. И вообще... Удивительное рядом, буквально по соседству, удивительное. Чего ради лишать себя редкого зрелища? Где еще скотина кормится ананасами? Не в ближайшем же Подмосковье.

Ин-ди-я-я-я...

Что-то библейское было в этом действе. Я с любопытством покосилась на коровью «Еву». Чужой запретный плод она уже познала. Умело сняла колючую кожу и смачно надкусила поруганный фрукт. На морде ее было написано райское наслаждение.

Ин-ди-я-я-я...

Я с совестью чистой, как освобожденный от кожуры ананас, продолжала наблюдать за процессом животного насыщения. Корова тщательно пережевывала пищу и так самозабвенно слизывала розовым языком нежный сок, что я невольно сглотнула. От мерного движения коровьих челюстей можно было впасть в упоительный транс. Я снова прикрыла глаза и погрузилась в первозданную нирвану...

Ин-ди-я-я-я...

– Да что ж это творится-то?!

На меня легла тяжелая тень. Я приподняла сонные веки посмотреть, кто заслонил мне солнце. Громадная бабища в мокром купальнике уставилась на корову. Та, понятно, на глупый вопрос отвечать не стала. Я положила руку под голову и устроилась поудобнее: просто чудовое зрелище! Картина неизвестного художника – «Смерть ананаса».

– А вы что смотрите?! – разъяренная от потери пищи фурия обратила свой несправедный гнев на меня.

– Смотрю... – безмятежно улыбнулась я.

– Гнать ее надо!

– Не надо, – ласково возразила я неукротимой мегере, – корова на своей земле. Она – гражданка Индии. В отличие от вас... – напомнила я на всякий случай.

– Вы что, издеваетесь?! – Эта сварливая тетка была склонна к скороспелым выводам (тьфу, опять фруктовое сравнение).

– Нет, – перевернулась я на живот, – просто загораю.

– Кыш, зараза! – замахнулась мегера на притихшую буренку.
– А вот это вы зря... – лениво заметила я.
– Почему? – зыркнула тетка недоверчивым глазом.
– Вас могут скормить крокодилам, – предсказала я ее вероятное будущее.
– Да ты чего? – застыла она с открытым ртом. Хотелось заткнуть его вихрастой ананасовой макушкой, чтобы не переходила на личности.
– Ничего. Оскорбление коровы действием здесь карается строго. Это священные животные.
– А им, выходит, все можно? – бесновалась бабища.
– Да, – кивнула я. – Они боги.
– А ты больно умная? – догадалась тетка, но от буренки опасливо отодвинулась.
Я промолчала. Есть вопросы, на которые нельзя ответить ни «да», ни «нет».
От ближайшего кафе к нам уже бежал индус. Он проворно отогнал насытившуюся корову и что-то быстро залопотал взъерошенной тетке. Она не поняла. Я тоже.
Все. Представление окончено. Пойти искупаться, что ли? За свой ананас я не боялась. Не было у меня ананаса. Мне его купить было не на что.
Ин-ди-я-я-я...
Incredible India...¹

¹ Невероятная Индия (англ.).

Глава 1

Великий Слесарь из Мумбая

Юркий мальчишка сновал в пробке между машинами, размахивая яркой книжкой. На боку висела оттопыренная сумка, полная покетбуков.

– Новый бестселлер Егора Крутова! Покупайте! Последний боевик короля детективов! – звонко выкрикивал шкет.

«Вот засранец, – подумал Еремей, – тронется поток, отскочить не успеет».

– Дяденька, купите...

Вихрастый прилип к его бамперу. Еремей опустил боковое стекло:

– А ну, кыш отсюда! – прикрикнул грозно. Не хватало еще покупать собственный роман.

– Купите, дяденька. «Судьба без тормозов». Недорого...

– Ладно, давай! Только быстро. Эту – «...без тормозов».

Он достал сотню и протянул в окно.

– ...И сваливай, пока самого не тормознули.

Впереди зажегся желтый. Парнишка засуетился. Сунул в окно книжку. Начал торопливо доставать из кармана смятые десятки.

– Сдачи не надо, – заторопил его Еремей, – живо с дороги!

Поток двинулся. Пацаненок ловко увильнул от суетливого «жигуленка». Хитрожопый водила, видя, что машина спереди замешкалась, нахально подрезал Еремея. Тот дал по тормозам. Но не успел. Бампер его «бэхи» крепко впечатался в задницу «девятке». Переднее стекло BMW, противно скрипнув, треснуло, кажется, даже осколок отлетел.

– Ты что, козел, внаглую лезешь! – высунулся Еремей.

– А ты, еханный бабай, заснул, что ли? – огрызнулся водитель «жигуленка».

Обычный диалог. Все правы. Пусть ГАИ рассудит. Пока ждали «архангелов», Еремей раскрыл только что купленную книжку.

«Душно...» Белов не мог заснуть. Он не любил все эти кондиционеры, евроокна – искусственный комфорт без звуков, без запахов, рай в целлофановом пакете. Белов встал, не зажигая света, подошел к окну. К стеклу, точно настырная шлюха, тесно прижалась ночь. Он открыл створки и машинально отодвинулся, впуская ее в комнату. И она вошла – черная, душная, жаркая, шумная. Комната наполнилась громом петард, буханьем дискотеки, смехом отдыхающих. Он принялся, как пес, запах незнакомых пряных цветов и близкого океана дурманил голову. Следовательно по особо важным делам Белов заслужил эту ночь. И этот остров в океане он заслужил. И отдых тоже.

КлавдЕя – верный друг черепашка подползла к нему, ткнулась в шлепанец.

– Пора спать, Клавдя, – погладил он ее по рельефной прохладной спинке, – завтра встанем пораньше – и к морю-океану. На твою историческую родину...

Утром его нашли в номере мертвым. Клавдеи рядом не было. Смерть следователя Белова была неожиданной и странной, как и дела, которые он вел. Но его гибель предстояло расследовать уже другим...»

«...Прощай, Белов. Служил ты недолго, но честно».

Еремей хлопнул рукой по последней странице. На бумаге отпечаталась кровь. Его кровь.

– А, блин... – поморщился он. Видно, поранил палец об осколок треснувшего стекла. Вытер руку гигиенической салфеткой.

В окно постучали. Это был гаишник.

– Не помешал? – кивнув на раскрытую книгу, язвительно осведомился он. – Вы, я вижу, зачитались? За рулем...

Еремей вышел, протянул ему свой рюкзак.

– Что это? – нахмурился инспектор.

– Моя новая книга. Дарю, – широко улыбнулся Еремей.

– Ничего себе! – по-детски наивно восхитился инспектор, глянув на обложку с фотографией Еремея. – Вы что же, сам Крутов?!

Еремей скромно поправил:

– Я, вообще-то, не Крутов. Я – Гребнев. Крутов – мой псевдоним.

Он протянул инспектору ксиву.

– Так я же все ваши книги собираю. Подсел прям, – распинался гаишник, – теперь похвастаю: к самому Крутову выезжал. Подпишите, пожалуйста.

– С удовольствием.

Еремей открыл книгу и размашисто расписался: «Гребнев, он же Егор Крутов, удачи!».

Увидел на странице отпечаток своего пальца, поморщился:

– Извините, испачкал слегка, – он показал пораненный палец.

– Так это... Прям дактилоскопия ваша, – еще пуще обрадовался инспектор.

Вслед за книгой Еремей протянул гаишнику права. Тот глянул, вернул ему документы и всем своим мощным телом повернулся к водителю «жигуленка». Тот стоял невдалеке, разговор их слышал, поэтому сник.

– Ну, что? – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросил «архангел», подходя к нему. – Нарушаем, значит? Совершаем обгон не по правилам?

Через полчаса все было закончено. Дальше предстояло получить справку для страховой компании, потом страховку. Вот не было печали...

«А может, зря я его убил?.. – уезжая с места происшествия, подумал Еремей про своего “важняка” Белова. – Мог бы еще пожить».

И, словно отвечая на его мысленный вопрос, глаз зацепился за рекламу какой-то жратвы: «Съел – и порядок». Еремей рассмеялся, решил: «Точно. Зажился Белов. Нельзя больше». Прочитав вовремя подвернувшуюся рекламу, почувствовал, что попал в орбиту информационного оракула – так он называл необъяснимую ситуацию, когда первое услышанное слово, вывеска, строка из песни дает ответ на самый насущный вопрос. Такой вопрос у него был – дальше-то что? Рискнуть или...

Он ехал, присматриваясь к вывескам: «БанкЪ», «Макдоналдс», «Аптека» – внятного прогноза пока не было. «Оракул» не торопился решать Еремину судьбу. Медлил «оракул». Вдруг в широком окне первого этажа мелькнул разухабистый слоган какой-то турфирмы: «Живешь снова – махни на Гоа!». Еремей усмехнулся: «Вот он – ответ». И припарковался у входа в турагентство.

Интересно, если с утра звонит следователь – это к чему? На моем определителе алым, как адские письма, проступил номер «важняка» Вячеслава Ивановича Рикемчука. Вот так, наверное, рождаются новые приметы. Однако, не припомнив за собой особых грехов, я храбро сняла трубку.

– Слушаю...

– Здасьте, Василиса, – ележно поздоровался он, и мне стало совсем нехорошо. Что это с ним? «Здравствуйте» – редкое слово в устах Рикемчука. Оно выпало из его лексикона, как постепенно исчезли динозавры в ходе эволюции. У следователя, похоже, это было профессиональное. Действительно, странно желать здоровья тому, кого собираешься отправить на лесоповал. Обычно, опустив пожелания здоровья, Вячеслав Иванович сразу переходил к

делу. Но сегодня, видно, было исключение из его правил. Я ждала. – Василиса, – с какой-то необъяснимой робостью сказал Рикемчук, – у вас не найдется для меня немного времени?

Ага, нашел дуру! Кто ж ему откажет? Скажешь, что занята, мигом положение исправит. Как говорится, в тюрьме свободная минутка будет. Это я шучу, конечно, но в каждой шутке...

– Для вас – всегда, Вячеслав Иванович! – сразу откликнулась я на его невнятный призыв. И чуть было не добавила: «Да я готова не только свое время, вечность положить к вашим казенным сапогам». Но сдержалась, не стоит слишком обнадеживать.

– Не могли бы вы заехать ко мне. Ненадолго...

Это было существенное уточнение, от меня большого героизма не требовалось.

– Всегда готова!

– Василиса – «юный друг милиции», – поощрил он мой порыв своим казенным юмором, – жду вас... Часика через два. Только без кошек, если можно.

– Ладно, захвачу с собой по дороге какого-нибудь бродячего «мухтара» – это вам ближе, – парировала я, но четко отрапортовала: – Есть, без кошек!

Вообще-то, я с кошками к следователю Рикемчуку никогда не приходила. Хотя могла бы. Дело в том, что я владелица фирмы «Кошкин дом». Наши коты обслуживают новоселов – по традиции первыми входят в новую квартиру, даруя переселенцам смутную надежду на счастливое будущее. Но эта примета, увы, сбывается не всегда. Иногда на смену ласковым котам приходит суровый Рикемчук. Казалось бы, что общего между мной, котами и полицией?

Дело в том, что по основной своей профессии я журналист и продолжаю сотрудничать с отделом криминальных происшествий газеты «Бизнесмен» – пишу статьи и книги на криминальные темы. Поэтому для встреч с Рикемчуком у меня было столько поводов, что у нас постепенно сложились почти приятельские отношения. Я говорю «почти», потому что по-настоящему уважал Вячеслав Иванович только родной УК. Был Рикемчук неподкупен ни друзьям, ни врагам, ни олигархам заезжим – редкий талант в наше время. И вдруг это его: «Не могли бы вы...». Я была сильно заинтригована.

Ровно через два часа явилась на свидание. Пропуск мне был заказан. Спустя два лестничных пролета и коридор я уже могла не только слышать следователя, но и лицезреть его лысину, а также пронизательный взгляд и подозрительно смущенную улыбку.

– Присаживайтесь, Василиса. Сейчас я вам чайку налью...

Что это с ним? Робеет, краснеет, чашками звенит – не влюбился ли часом? Я скептически оглядела тесный казенный кабинет, где скукожилась даже герань на подоконнике. Для любви место не самое подходящее. Но таковы женщины. По извечной своей логике любые изменения в поведении мужчины мы склонны объяснять прежде всего его страстным томлением. Это приятнее и понятнее нашей романтической душе. Я не отрицаю: конечно, кроме любовных мук, бывают и творческие искания, банкротства, дефолты, строгие выговоры, футбольные проигрыши... Даже пережаренная яичница способна вывести представителей сильного пола из равновесия. Умом я допускаю, но сердце девичье отказывается верить, что столь приземленные причины вызвали разительные перемены в брутальной личности Рикемчука.

Я пристально взглядела в неузнаваемое лицо следователя.

– Вячеслав Иванович, вы как себя чувствуете? – начала издалека.

– А что, заметно? – правильно истолковал он мое недоумение.

Я неопределенно пожала плечами: что спрашивать, если сам видишь?

– У меня такое впервые, Василиса, – признался он.

О Господи! Неужто и вправду... Вот тебе и лысый слуга Закона – «мальчик резвый, кудрявый, влюбленный». Воистину, любви все должности покорны.

– Решил с вами посоветоваться... Насчет этого самого...

Я приосанилась от его доверия и мягко улыбнулась. Ну кому же ему, бедняге, рассказать о внезапно нахлынувшей страсти, как не мне? Не жене же. Начальство тоже вряд ли одобрит и вынесет поощрение в приказе. А ему ведь, по себе знаю, выговориться хочется, поплакаться на дружеском плече. Надо бы его ободрить, влюбленные так ранимы. Начну, пожалуй, с главного.

– Как ее зовут? – понимающе улыбнулась я.

– Название, в смысле? – переспросил он.

– Название? – удивилась я.

Впервые слышу, чтобы у девушки было «название». Может, я ослышалась и он «звание» имел ввиду? Нескладно выразился, но ведь влюбленные так косноязычны. Видно, сослуживица его с ума свела. А может, э... э... сослуживец? Правда, Рикемчук женат. Но это не важно. Вот великий князь Константин Константинович девять детей имел, был примерный семьянин, а подлинную страсть испытывал только к своим гвардейцам. И у нас сейчас время толерантное...

Я вгляделась в следователя пристальнее. Если так, есть причина умом двинуться, слова начать путать. Вот до чего рьяная служба доводит – до полной потери ориентации!

– У нее пока нет названия... – вздохнул он.

Все-таки, «у нее», слава богу! Хотя, что он городит – «нет названия»? У девушки?

Это как же? А паспорт? Без названия, тьфу! – без ФИО ей документ не выдадут. Может, он с инопланетянкой спутался? Сама недавно по ящику видела, как эти похотливые веземные профуры людей похищают. У них там, видно, с нормальными мужиками напряженка. А Рикемчук, он как раз того... в самом соку.

Следователь в собственном соку продолжал меня интриговать:

– Вот вы, Василиса, как это делаете?

Я густо покраснела.

– Я понимаю... – тут же поправился он, заметив мою реакцию, – это процесс интимный.

– Ну... В общем, да, – промямлила я. И разозлилась. Может, хватит? Либо пусть расскажет все как есть, либо – до свидания. Меня в свои шашни нечего впутывать. Я сурово нахмурилась: – Вячеслав Иванович, давайте ближе к делу.

– Даже не знаю, как начать... – беспомощно посмотрел он на меня. – Думал, может, вы подскажете.

– Каждый начинает по-своему... – неопределенно отказалась я. – А вы как?

– Вот так: *«В текущем году процент раскрываемости преступлений резко поднялся, хотя возбужденных уголовных дел стало значительно меньше»*, – и робко спросил:

– Хорошо?

Я хохотала так, что чуть не свалилась под стол.

– Не понимаю вашей реакции, Василиса Васильевна, – нахохлился Рикемчук, подавая граненый стакан с минералкой.

– Извините, Вячеслав Иванович, – утирая слезы, я попросила повторить, – что там у вас резко поднялось, но не возбудилось?

– Процент и уголовные дела... – обиженно напомнил он.

Я постаралась взять себя в руки, заинтересованно спросила:

– Вы статью, что ли, в местную стенгазету пишете?

– Нет, – приосанился Рикемчук, – берите выше! Мне книгу заказали.

– Кни-и-гу?! – захлопала я глазами.

– Да, – мол, знай наших! – Мне позвонил главред издательства «Атас!». Сам, – победно посмотрел Рикемчук. – Предложил написать о буднях уголовного розыска. «Запускаем, –

говорит, – новый проект. Надоели выдуманные триллеры, высосанные из пальца бестселлеры. Хочется правды жизни. Суровой и непредвзятой. Даю слово профессионалам. Пусть расскажут, как оно есть на самом деле. Без поворотов-наворотов, сюжетов на манжетах – «просто, грубо, зримо».

– Ну и...?

– Я, с дуру, согласился. Аванс получил. Через месяц принес им рукопись. Подробно все описал – сколько преступлений было раскрыто, сколько дел возбуждено, сколько чисто-сердечных признаний услышано...

– Приняли?

– Нет, – обескураженно развел он руками. – «Мы, говорят, другого ждали. Например, как мучительно вычисляли убийцу... А вы – про нудные совещания у прокурора. Думали, про хитроумные засады вспомните, про погони с перестрелками, а вы – «преступление удалось предотвратить». Что за криминальный роман без криминала...»

– И что вы им ответили?

– Я правду написал. Как просили. Главное у нас – своевременная профилактика! – Рикемчук строго посмотрел на меня. – Оттого и раскрываемость повысилась. Потерпевшие живы. Преступники обезврежены. Криминальная ситуация под контролем. Разве не интересно?

Я неопределенно улыбнулась.

– Вот и они с такой же улыбочкой... – насупился Рикемчук. – Драйва, говорят, нет. Суховато будет. В общем, дали время подумать. А если не придумаю, своего человека представят, чтобы обо всем расспросил и за меня сочинил. Я сам, не способен, что ли? – перешел он, наконец, к сокровенному. – Хочу спросить вас, Василиса, что им нужно-то? Вы давно пишете, подскажите. Я уже голову сломал.

– Это называется «муки творчества», Вячеслав Иванович, – ехидно пояснила я непривычное для него состояние. – Думаю, в итоге им все тот же триллер нужен. Как у Егора Крутова, – назвала я самого популярного детективщика.

– Да там все чушь собачья! – взбеленился Рикемчук. – Тоже мне! «Я тебе судья», – назвал он нашумевший бестселлер. – Это как же понимать? Самосуд, что ли? А полиция? Судебные и следственные органы? Органы опеки и попечительства? Комиссии по делам несовершеннолетних, наконец, – это все, выходит, по боку? Ишь ты! Прыткий какой! Судья он... Да за одно такое название... Против этого писаки уголовное дело надо возбудить. Жаль, отдельной статьи за призыв к самосуду в УК не предусмотрено.

– Это зависть, Вячеслав Иванович... – мягко пожурела я начинающего сочинителя. – Зато у Крутова захватывающие сюжеты и нехилые тиражи.

– Да не нужно мне таких тиражей! – кипятился незадачливый автор.

– У вас их и нет. Как говорится: «По слову твоему будет...» С другой стороны, хлопот меньше, а то потиражные получать замучаетесь, – успокоила я его и добавила: – Я, кстати, с Еремеем Гребневым хорошо знакома.

– С каким еще Еремеем? – не понял он.

– Гребневым, – повторила я. – Это он пишет под псевдонимом Егор Крутов.

– Вон оно, значит, как... – усмехнулся Рикемчук. – Тогда все понятно! Такое городит, что под чужой фамилией вынужден скрываться. Мошенник.

– Это обычное дело, Вячеслав Иванович, – терпеливо продолжила я издательский ликбез, – вы тоже можете взять себе псевдоним.

– За чужую спину прятаться не привык. Ни от пуль, ни от читателей... – Вот так, через запятую, и перечислил. Видно, читателей он опасался не меньше пуль. И правильно делал, они тоже не пощадят.

– Я правду пишу, в отличие от некоторых, – буркнул следователь.

– Правда, Вячеслав Иванович, как сказал классик, бывает «хуже всякой лжи». Хуже издается, в смысле... – поправила я, увидев гнев на его лице.

– И где вы познакомились? Ну, с этим... Ере-ме-ем. – ревниво спросил следователь.

– В «Бизнесмене». Я там после журфака работала в отделе криминалистики. Вместе с Гребневым. Но он тогда уже матерый газетный волк был, а я так... На заметках из зала суда подвизалась. Не могу сказать, что мы крепко дружили, но отношения были приятельские. Вместе пили на редакционных посиделках. Потом он ушел на вольные хлеба. Стал строчить криминальные романы. Быстро прославился. Вскоре и я уволилась. Открыла свой «Кошкин дом». А теперь, вы знаете, снова вернулась в газету, внештатно.

– Этот период вашей жизни мне хорошо известен, – перебил меня Рикемчук и с затаенным интересом спросил:

– Ну, и как он? Еремей этот... Супермен, что ли? Как в своих детективах?

– Да нет. Ему чуть за сорок. Крепкий такой, белобрысый, среднего роста. Тип вечного мальчика. Внешность не яркая, в отличие от фантазии.

– Вот именно, «фантазии», – ухватился за это слово Рикемчук, – а у меня все как есть, – не сдавался он.

– Про поднявшийся прОцент, согласна. – Я изо всех сил пыталась быть серьезной. – Но если бы вы красочно описали, как трудно вставал этот прОцент. Как набирал силу. Как выпрямил наконец свою могучую плоть... Наверное, это было бы впечатляюще.

– Вам бы только ерничать, – нахмурился следователь. Почему-то мои слова вызвали у него странную ассоциацию и он неожиданно спросил: – А ваш муж сейчас где?

Мой муж Дмитрий Панин работал начальником охраны по транспортировке грузов в крупной внешнеторговой госкорпорации. Дома бывал не часто. И в данный момент тоже находился в длительной командировке.

– Он в отъезде... – сдержанно ответила я. Какое Рикемчуку дело до моего мужа?

– Ага! – обрадовался он. – Значит, вы свободны? В смысле, от всяких семейных дел?

Я недоуменно посмотрела на него. С чего это он о моих «семейных делах» печется? Ответ не заставил себя ждать.

– Может, мы это... Василиса, – опять начал он двусмысленно на что-то намекать.

– Что «это»? – не поддавалась я на провокацию. Раз обманувшись, уже ничего хорошего не ждала от этого сухого служаки.

– Ну... Вместе с вами ... – Он отвел глаза.

– Что «вместе»? – грозно вперилась я в него.

– У вас же складно получается... А я вам аванс отдам... – неумело соблазнял он.

– Нет! – я сразу пресекла попытки втянуть меня в свальный грех совместного творчества.

– Почему? – безнадежно спросил он.

– Не могу, – обрубил я концы. – Завтра улетаю. Мне, между прочим, тоже отпуск положен, Вячеслав Иванович. Летом не сложилось, хоть теперь на солнышке погреться. Пока муж в отъезде...

– Это где же? Греться-то? Конец ноября... Вроде как не сезон... – Рикемчук глядел уже задумчиво и отстраненно, как вслед перелетным птицам.

– В Индию. На Гоа. Там всегда сезон – лето, переходящее в лето.

Он вздохнул, закрыл папку и спрятал недоношенный плод своих творческих усилий в рабочий стол.

– Ну, ни пуха ни пера, – пожелал он мне на прощание.

Как накаркал...

Разговаривали мы с Рикемчуком два дня назад, а казалось, в какой-то прошлой жизни. Теперь у меня была одна забота – вернуться бы обратно, на Родину. Со мной здесь такое приключилось, что, похоже, отрезало все пути назад.

Где-то я прочитала, что побережье Гоа – место особое. Десять дней прожить в этом зеленом раю – мало, а если больше, захочется остаться навсегда. Мне оставаться совсем не хотелось, но выбора у меня, похоже, не было. Каждый мой день проходил в бесплодном ожидании. Я ждала ЕГО. Ждала с тех пор, как приехала на Гоа. Мне казалось, что я навечно обречена смотреть в даль, как Ярославна на крепостной стене. С одной лишь разницей – Ярославна ожидала своего князя. А я ждала СЛЕСАРЯ.

По российскому опыту знала, что слесаря можно ждать долго. Но если в России поэт больше, чем поэт, то в Индии, слесарь больше, чем слесарь. В первый же день я потеряла ключи от гостиничного сейфа. А в сейф, как водится, по приезду положила деньги, обратные билеты на самолет, ключи от дома, медицинскую страховку и... свои надежды на прекрасный отдых в Incredible India... При себе я оставила только триста рупий.

Меня обокрали в ближайшей же фруктовой лавке, где я присмотрела невероятный ананас. Я не могла наглядеться на это огромное желтое чудо в перьях-листьях. Такой плод мог вырасти только в садах Эдема. Я бережно держала его в руках, положив кошелек у кассы и блаженно прикрыв глаза, вдыхала запах нежный, как от губ гурии, вкусившей нектар.

Потом началась суровая проза – ананас у меня в руках остался, а вот кошелек и след простыл. Кто его стянул, торговец не видел, а может, сам и стащил, пока я, как последняя дура, наслаждалась ароматерапией.

Но в тот миг я еще не сильно переживала. В пропавшем кошельке лежали те самые триста рупий и ключи от сейфа. Последнее, конечно, было неприятно. Потому что на ресепшен сразу по приезду я заметила грозную табличку: «*За потерю ключей от сейфа – штраф пять тысяч рупий*». Сто долларов в переводе на международный эквивалент. Не хотелось, конечно, за здорово живешь лишиться ста баксов, но что поделаешь. У меня оставалась еще тысяча с лишним. На эти деньги в Индии можно жить долго, счастливо и вернуться в магазин – судьбе назло купить тот самый злополучный ананас.

Я поспешила в отель. Взволнованно, путая английские и русские слова, рассказала о своей беде – попросила открыть сейф. Пока моим ненаглядным ананасом не насладились другие. Сотрудница отеля внимательно выслушала меня и, грустно улыбнувшись, сказала:

– It's impossible...

– Что невозможно? – не поняла я: – Открыть сейф? Почему? Нет клерка, у которого второй ключ?

Дело в том, что сейф в отеле был необычный. Открывать его полагалось двумя ключами. Один был у служащего, другой – у владельца ячейки. Я была уверена, что есть и третий, запасной. На тот случай, если растяпа-турист, вроде меня, лишится своего ключа.

– Вот!

Она достала из ящика ключ от моей ячейки и, словно дразня, повертела им перед моим носом.

– А еще один? – нетерпеливо спросила я.

Сотрудница что-то залопотала на таком англо-индийском наречии, что перевести его я была не в силах.

Видя мою растерянность, подошел еще один клерк и на сносном русско-английском все объяснил. Запасного ключа в отеле нет. Никогда не было и быть не может. Иначе каким образом отель может гарантировать сохранность денег, если ключей будет видимо-невидимо? Я его слова перевожу вольно, но смысл был именно такой. Теперь, чтобы открыть мою дверцу, взамен потерянного, надо сделать новый ключ.

– Делайте! – согласилась я.

– Но. Наша, – ткнул он в себя пальцем, – не можно...

– А кто может?

– Слесарь из Мумбая.

Так я впервые услышала эти магические слова. Но тогда еще до конца не осознала все могущество и величие этого незримого властелина ключей.

– Почему из Мумбая? – удивилась я.

Мумбай был в трехстах километрах от места, где я остановилась. А приморский городок – вот он, в двух шагах. Неужели нельзя вызвать мастера отсюда?

– Но, – горестно покачали головой клерк-полиглот и грустная индийская девушка, – ключ делать слесарь из Мумбая. Мы не имеем права.

Все это напоминало начало сказки про волшебные яблоки. Чтобы их сорвать, надо отправиться в тридевятое царство. Я всегда удивлялась, когда в детстве слушала эту непонятную историю. Почему те самые яблоки нельзя было набрать в местном саду? Что за сорт такой, что его невозможно культивировать у себя на приусадебном участке? Но так же, как нельзя было, не отходя от дома, отведать удивительных яблок, не мог сделать мой потерянный ключ никто, кроме слесаря из Мумбая.

– И когда же он... Сколько его ждать? – наконец осознав всю глубину постигшей меня неудачи, спросила я.

– Один... Два... – показала на пальцах индианка.

– Два дня!

Возмущению моему не было предела.

Она кивнула.

– А как мне жить? У меня денег нет... Совсем... – демонстративно вывернула я карманы. – И подзарядка в сейфе. Телефон того и гляди вырубится. Я даже в Москву позвонить не могу.

В отеле я заказала только завтраки, и теперь костлявая рука голода приветливо помахала мне со стороны Мумбая.

– Деньга нет? – огорчился за меня клерк и нахмурился.

Я подумала, что он переживает за мою судьбу. Но его волновало совсем другое.

– Деньга нет – сейф не открыть...

– Почему?

Похоже, он решил меня умирить прямо сейчас, чтоб не мучилась.

– Открыть сейф – пять тысяч рупий, – он ткнул пальцем в объявление.

Я видела. И не собиралась уклоняться от индийской обираловки. Так и сказала:

– Приедет ваш слесарь, достанет из сейфа деньги, я ему заплачу.

– Но, но! Нельзя... – заволновался он. – Сначала деньга... Потом сейф.

Вот тут я поняла: мне настал конец. Вся моя не слишком долгая, тридцатилетняя, жизнь промелькнула перед глазами. Разрешить парадокс было не по силам даже великим индийским богам. Чтобы получить свои деньги, надо открыть сейф. Но сейф отомкнут тогда, когда заплатишь за это деньги. А деньги в сейфе. Но сейф закрыт. А деньги... Закружилась голова. Клерк успел поддержать меня, усадил в кресло, смочил мои виски водой из расписной глиняной миски с плавающими лепестками роз.

Я пришла в себя. Но уже совсем другим человеком. Человеком, которому предстоит решить неразрешимую задачу. У меня даже внешность изменилась. Вместо веселой легкомысленной мордашки в зеркале было насуспенное чело гения парадоксов. Мне показалось, что у меня седеют и редеют волосы, как у автора теоремы Ферма, начинает пробиваться борода, как у Леонардо да Винчи, а взгляд становится печальным, как у Льюиса Кэрролла, певца зазеркалья.

Incredible India свела меня с ума...

Никогда не выясняйте отношения натошак. Голод – враг логики.

– Ты это твердо решил? – спросила она спозаранку.

– Что «это»?

Еремей стоял у распаханного холодильника и думал совсем о другом. Марта подкрадась незаметно, как кошмар всех писателей – маразм, и теперь смотрела на него, прислонясь к кухонной двери.

– Ты уезжаешь без меня?

– Мы же обо всем договорились... – поморщился Еремей.

Он нарушил собственное правило – никогда не устраивать «прощальную ночь». Черт его дернул вчера оставить Марту у себя. Вечером она вполне мирно восприняла известие о том, что он решил поехать на Гоа. Один. Без нее. А вот утром до нее дошло...

Ему везло на женщин. Вернее, не так. Ему везло на «сезонных женщин» – как он их называл. Он старался выбирать подруг, в чьих именах была какая-то временная заданность – Майя, Юлия, Августа, у него была даже Октябрина. Нет, встречались, конечно, и другие – Ани, Тани, Мани, но на них его внимание не фокусировалось. А «месячные» (он хмыкнул) подруги были его фишкой.

Первой была Майя. И встретил он ее тоже в мае. Может, потому и запал на имя. А расстался в июне. Майя была замужем за военным и приехала из далекого гарнизона на месяц «посмотреть столицу». Такие вояжи похожи на ритуальное действие – провинциалы непременно стремятся посетить сакральные места Москвы – метро, ГУМ, Кремль, Воробьевы горы, Арбат...

Встретились они на пути ее паломничества – он вышел из машины у Никольской купить сигарет. Она подошла и спросила, как добраться до Арбата. В тот день спешных дел у него не было и он подвез симпатичную незнакомку. Сначала показал Арбат, а потом свою квартиру. Ей там гораздо больше понравилось. На следующий день Майя из гостиницы переехала к нему. А спустя месяц, нежно поцеловав на прощанье, отбыла в свой северный городок. Еремей даже не спросил его название. Все было, как в рекламе – «просто и вкусно». Это запомнилось. Правда, больше таких совпадений – имени и соответствующего месяца не случалось. Но с тех пор «календарные» девушки вызывали в нем особый трепет. Ему казалось, что в самих их именах заключена мотыльковая мимолетность, необременительная страсть и сиюминутность любви.

Коллекционировал ли он их? Неважно. Он был слишком занят и слишком ленив, чтобы тратить на женщин больше времени, чем нужно. Своим временным подругам ничего не обещал и от них обещаний не требовал. Так было честнее и проще. Нет, с некоторыми из них он был не один месяц. Но всегда наступало время, когда женщина уходила. Или он уходил от нее. У каждой был свой срок. Это он знал с самого начала.

И вот теперь – Марта. С Мартой он познакомился в декабре. Когда девушка назвала свое имя – сердце сладко дрогнуло, как у охотника, узревшего дичь, как у рыбака, взглянувшего на подрагивающую леску. Это была **его** девушка. Она была с ним дольше всех – почти год. Слишком долго для сезонной спутницы. «А может, я сам настраиваю себя на скоротечность отношений?» – с некоторым сожалением подумал он. Но эта мысль ничего не меняла – Марта зажилась у него. Не то, чтобы она ему надоела... Хуже. Он начал к ней привыкать. Это его раздражало, потому что нарушало правила игры, которую сам же придумал. Игра в календарных девушек была захватывающей, и обрывать ее именно на Марте не хотелось. Ведь есть еще Юния, Ноябрина, Январия, Феврония и даже чудесное сербское имя Апреля. Можно было расширить рамки и включить в список Снежану, Весняну, Цветану, Осенину... Почему надо заикливаться непременно на Марте? К тому же Марта уходить не собиралась. Она вдруг уверовала, что он – ее судьба. Даже чертила их общие астральные карты. Ему

очень хотелось подрисовать черточку в этих судьбоносных схемах – что тогда будет? Так и подмывало щелкнуть по носу несостоявшегося астролога.

Вообще-то у каждой из его сезонных дам была своя заморочка.

Юлия была помешана на психологии, хотя работала бухгалтером. Какое отношение заковыристая психология имела к ее сухим квартальным отчетам, он понять не мог. Но почему-то каждое его слово она крутила так и эдак. Ей мало было его брэнной плоти, она мечтала залезть внутрь – в душу, в подсознание. Прочно обосноваться там на оголенных нервах, скрытых комплексах, потаенных инстинктах. Она все время переспрашивала: «Что ты имел в виду?» Даже когда он просто предлагал ей переспать. В итоге он понял, что ему остается одно – либо стать глухонемым, либо выгнать Юлию к какой-то матери. Он выбрал последнее. Не попрощавшись, уехал к морю, чтобы не услышать напоследок, что он имел в виду? Когда вернулся, она уже препарировала подсознание другого козла.

Августа была стоматологом, помешанным на кулинарии. Когда она вылечила все его зубы, он возликовал. Всегда боялся дантистов. Дома Августа изобретала самые невероятные рецепты – салат из ветчины с виноградом, жареный хлеб с чесноком и фасолью, чай с нутряным медвежьим салом, огурцы с медом. Иногда было вкусно, иногда – с души воротило. В любом случае надо было хвалить. Ему надоело. Он поспешил убраться, пока, спасибо Августе, зубы целы и не отравился сырой строганиной или вареными мухоморами. Ее опасным хобби он был сыт по горло.

Кстати, его первая, Майя, была кладовщица и... сочиняла стихи. Но не хранила их в закромах души, а, в противовес основной профессии, щедро делилась незрелыми плодами вдохновения. Чтобы жить с самодеятельным поэтом, надо быть лесорубом или грузчиком. Засыпать в любом положении, чтобы не слышать навязчивого бормотания. А он был писателем. Ее вирши с наивными рифмами и незатейливым смыслом скоро стали мучить его, как ноющий зуб, который впоследствии удалила Августа. Хорошо, что Майя вовремя уехала...

Октябрина, налоговый инспектор, была помешана на цветах. Сначала его это умиляло. Глядя на нее, он все время вспоминал библейское – лилии не ткнут, не прядут, налогов не платят, а живут лучше, чем Соломон во славе своей. Но когда квартира превратилась в филиал джунглей, он стал чахнуть. Растения вытесняли его и, казалось, выпивали все жизненные соки. А что? Есть такие цветы, которые засасывают свои жертвы и не выпускают до тех пор, пока не опустошат до костей. Он уехал в тропики, где тамошние лианы не покушались на его жизненное пространство, там было не тесно ни ему, ни пальмам с кактусами.

И вот – Марта. С ней он познакомился в издательстве. Марта редактировала его рукописи, смотрела робко и восхищенно. Этот взгляд доставлял особое удовольствие. Приятно делать добро. Ему нравились женщины, которые, как он считал, других не слишком прельщали. Эдакие золушки. С ними он чувствовал себя принцем. Самодовольные красавицы снисходили до мужчин, а он любил одаривать сам. Это его свойство прекрасно вписывалось в теорию сезонной любви. Еремей был уверен, что даже за краткий миг его любви женщина должна быть век благодарна. Кстати, увлечение проходило, как только гас восторженный взгляд. Пассия начинала привыкать, а он – скучать. И искать следующий объект, который мог бы облагодетельствовать.

Да, с Мартой он явно подзадержался. Она сумела стать нужной. С ней он обсуждал новые книги, она делала точные замечания, исправляла стилистические ошибки. Но... Милая женщина, незаметный редакционный клерк, на деле оказалась... колдуньей. Марта обожала составлять гороскопы, гадать на картах, знала заклинания и обряды. Иногда смотрела пронизывающим взглядом и по вечерам делала пассы у него за спиной – снимала «негативную энергетику». В его доме теперь стоял запах сандала и ладана.

Однажды Еремей случайно услышал ее разговор с подругой. Он работал в своем кабинете и вышел, чтобы выпить немного красного вина, встряхнуться. Когда возвращался к себе